

эпистемологический анархизм, «равноправность любых дискурсов» и т.п. — на практике отличает весьма отчетливая интолерантность (отказ в осмысленности непостмодернистскому дискурсу; гиперкритицизм в отношении любых попыток осуществить рациональную коммуникацию между различными дискурсами; тезис о введении принудительного равенства между научным и ненаучным дискурсом и т.п.).

В этом свете могут быть поняты попытки

как рационалистического (т.е. одностороннего, однобокого, недialeктического) «выражения», «исчисления» всего человеческого в человеке, следовательно, уничтожения его спонтанной конструктивности и подчинения его тотальному контролю; так и иррационалистического культивирования и преклонения перед невыразимыми и неконтролируемыми проявлениями его деструктивности. Они одинаково антигуманны.

МЕТАФИЗИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

М.А. Фадеева

**Фадеева
Марианна
Альфредовна**
доктор политических
наук, ведущий научный
сотрудник Института
философии и права
УрО РАН

Перед Россией, как и перед политическими системами всего мира, в качестве одной из важнейших стоит проблема построения общей идентичности и выработки чувства общности среди граждан государства. Старые и новые государства укрепляют и формируют национальную идентичность, что связано с большими сложностями. Эти сложности особенно велики в тех случаях, когда нация включает в себя несколько этнических, религиозных или лингвистических групп. В условиях кризиса старых и становления новых национальных идентичностей этническая идентичность превращается в важнейший принцип самоопределения индивида и общности. В связи с происходящими на всем постсоветском пространстве, в том числе и в России, социальными и политическими трансформациями проблема этнической идентичности оказалась политической проблемой, так как неразрывно связана с жизнью народов и территорий, особенностями государственного устройства. Этническая идентичность может быть выбрана как политическая стратегия. Повышенный интерес к этой стратегии обнаруживается со стороны этнонационалистически ориентированных политических кругов, к которым самым, казалось бы, неожиданным образом могут относиться не только этнические элиты, лишенные доступа к власти и ресурсам или маргинальные

политические партии, но и государства.

Поэтому важно выделить собственно этнополитический смысл этнической идентичности. Это означает, что в рамках этнополитологических исследований тема этнической идентичности требует особо пристального внимания. Понятие идентичности вошло в научный дискурс в конце 70-х гг. XX века, что связано с именем не политолога, а психолога Э. Эриксона. Британский социолог З. Бауман указывал на знаменательное изменение в интеллектуальном климате современной эпохи, наиболее характерной чертой которого становится помещение в центр исследований проблемы идентичности. Другой британский исследователь С. Хэлл замечал, что в настоящее время наблюдается действительный взрыв интереса к концепции идентичности. Француз А. Турен подчеркивал, что тема идентичности приобретает новое значение в гуманитарных науках. Российская социальная и гуманитарная наука включилась в исследования идентичности несколько позже и до сих пор в ней остается некая загадочная неопределенность.

Полисемантизм приводит к затруднениям в решении вопроса о сущности идентичности. Для русскоязычной науки термин «идентичность» — заимствованный, что создает особые трудности в его интерпретации. При переводе возникает ситуация многозначности термина. То, что произошло от латинского *identicus* — тождественный, одинаковый, приобрело много смыслов. Так, с английского *identity* переводят как тождественность, дословно — идентичность, как подлинность и даже как личность, индивидуальность. Во французском *identity* — тождество, совпадение; *identique* — идентичный, тождественный, одинаковый, а также — равнозначный, аналогичный; *identifier* означает идентифицировать, отождествлять и, кроме того, опознавать. Это не только и не столько языковая проблема.

Представляется ли этнический индивид в качестве идентичного тождественным, похожим или поддельным по отношению к этнической общности, зависит от понимания идентичности. От этого простого понимания в свою очередь

зависят теоретические подходы, в соответствии с которыми строится та или иная политическая стратегия и тактика. В раскрытии и прояснении многих смыслов наступает интеллектуальная усталость. Однако все их многообразие может быть сведено к одному, имеющему метафизическую сущность и, как следствие его метафизической простоты, наибольшую распространенность, и к другому, противоположному, более сложному в силу диалектических особенностей.

Метафизика этнической идентичности является в двух смыслах. Первый смысл: метафизика как синоним философии, которая рассматривает вечный вопрос о месте человека в мире. В отношении этнической идентичности это видится вечным вопросом о месте этнического индивида и этнических групп в политическом мире государственных, о влиянии этничности на их политическое поведение. В качестве вечного этот вопрос имеет право на существование, однако решается он преимущественно метафизически, абсолютизируя этнический фактор, видя в нем единственную причину столкновения политических и иных интересов, видя в этничности универсальный способ объяснения политического и любого другого поведения. Отсюда логически следует присущая метафизике абсолютизация – абсолютизация группового этнического интереса, который может быть выражен и эффективно реализован только в рамках этнической государственности. Отсюда же проистекает видение всех современных конфликтов как этнических и соответствующий вывод о невозможности построения гражданского сообщества на полиэтничной основе. Второй смысл: метафизика как антидиалектика, как построение однозначной, статичной и умозрительной картины мира: «Да – да, нет – нет, что сверх того, то – от лукавого...» В интересующем нас отношении это означает определение этнической идентичности как подлинности и прирожденности. Метафизика этнической идентичности исходит из глубоко укорененного в обыденном сознании и науке представления об этносе как о вечной и неизменной сущности. Даже прозорливый С. Хантингтон не свободен от метафизики. В известной работе «Кто мы?» он замечает, что культурная идентичность трансформируема, идентичность же этническая трансформации не подлежит.

Метафизический взгляд на *идентичность как подлинность* связывает этническую идентичность с представлениями о «настоящем» и «чистом». Это поддерживает теорию и политическую практику этнонационализма, его функционирование в политической жизни и бытии повседневности: поиски «чистоты крови», деление на «чистых» и «нечистых», «полукровок», «гомогенных», «гетерогенных» и «этнически неопределенных» индивидов; в связи с этим наделение или лишение доступа к власти, ресурсам, привилегиям и правам.

Все это приводит к вопросу об индикаторах этнической идентификации, то есть тех критериях, по которым осуществляется определение этничности, тех показателей, по которым этническая идентичность устанавливается как факт. Ответ на данный вопрос зависит от того, в чем видится субстрат этничности, каков критерий этнической идентичности. В качестве критерия этничности метафизический взгляд выбирает природный признак: «кровь», этничность родителей или одного из них. В качестве индикатора этничности выбирается то, что передается по наследству, – расово-антропологические признаки, внешность как совокупность отличительных особенностей соматического (телесного) типа. Реже в качестве индикатора этничности избрано рождение на «своей земле», этнической территории. Как правило, оно служит дополнением к «крови». В этих случаях этническая идентичность не зависит от воли и сознания индивида, ее приписывают от рождения, она может быть установлена с помощью какого-то «объективного» мерил («кровь», внешность). Само «мерило» как прибор для измерения «соответствия» находится не в руках человека и гражданина, вопреки конституционному установлению, а принадлежит некому субъекту (организация, соседи, государство, церковь, органы охраны правопорядка и т.д.).

Примордиализм и этнонационализм по своей философской природе метафизичны.

Иным, противоположным метафизике представляется понимание *идентичности как принадлежности* индивида к какой-либо общности людей: этносу, полу, возрастной, профессиональной и прочим группам. В подобном смысле об идентичности пишет З. Бауман в работе «Индивидуализированное общество». На его взгляд, эта проблема состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, *какую* идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать *другой* выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт. В этом смысле этническая идентичность означает не приписывание индивида неким субъектом в качестве объекта к этнической общности, но субъективный выбор самого индивида, причисление самого себя к некоему этническому целому. Индивид осуществляет субъективный выбор, не лишенный объективных оснований, которые складываются в процессе инкультурации, в процессе воспитания индивида с раннего детства в конкретной этнической среде. В качестве критериев этничности могут быть выбраны не только природные, но и культурные признаки, в том числе родной язык, вероисповедание, традиции и обычаи, нормы поведения и привычки, которые индивид вырабатывает и усваивает сознательно в социокультурной среде. Посредством этнической самоидентификации индивид осуществляется в

своем этническом бытии.

Рассуждая по принципу «или – или», метафизика исключает всякого рода неоднозначность, множественность этнической идентичности. То, что Д. Лейтин обозначил как «конгломератная идентичность», с метафизической точки зрения, этнической идентичностью ни понято, ни принято быть не может. Множественное обозначение этнической принадлежности на основе этнического самоопределения в соответствии с этнокультурным самосознанием типа: «украинец-русский», «русский-казак», «еврей-русский», «грек-армянин», «лакец-осетин-русский», необходимость которого обосновывал В.А. Тишков в одной из своих статей, вошедших в его книгу «Этнос и политика», представляется слишком сложным для обывателя и неудобным для власти. «В четырех стенах домашнего обихода» и недалёковидной местечковой политики вполне можно обойтись метафизикой этнической идентичности – «родной сестрой» этнонационализма.

Определение этнической принадлежности «каждого», выяснение этнического состава населения любого государства, в том числе и Российской Федерации, не является самоцелью. Это необходимо для развития и успешной реализации этнической политики, которая является одним из направлений внутренней политики как деятельности государства в сфере отношений между этносами и этническими группами, проживающими на территории данного государства. Конструктивная этническая политика должна быть направлена на установление и укрепление социально-экономического, политического и культурного сотрудничества этносов. Каждое государство должно содействовать удовлетворению их потребностей и реализации интересов, предотвращать и разрешать этнические противоречия и конфликты, бороться с этнической нетерпимостью и препятствовать разжиганию этнической розни. Всякая дальновидная, а не политически близорукая власть должна действовать именно таким образом, потому что иначе наступит неизбежная гибель полиэтничного сообщества.

Однако при разработке и реализации конструктивной и эффективной этнической политики существуют затруднения, проистекающие из метафизических особенностей распространённого дискурса идентичности, которому имманентно присуще смешение этнического и национального, этнической и национальной идентичности, принципиальная неспособность различения нации

как согражданства, социально-политической общности и этноса как природно-культурной общности. Смешение разнородного, подмена одних логических оснований другими означает не что иное, как часто сопутствующую метафизике эклектику. Смешение этнической и национальной идентичности, определение и указание «национальности» или «национальной принадлежности» в этническом смысле, связано с представлением об идентичности как подлинности, вместе это приводит к широкому распространению в политическом сознании элиты и массы недемократического и антизападного понимания нации и национальной идентичности. В теоретическом отношении эти представления отражаются в этнонационалистической, антилиберальной концепции национальной идентичности. Метафизическое понимание «национальной принадлежности» в этническом смысле и этнической идентичности как подлинности служит дискурсивным препятствием формирования российской общегражданской идентичности, не способствует осознанию себя россиянином, человеком, принадлежащим к социально-политической общности – гражданской российской нации, противоречиво развивающейся на полиэтничной основе. Понимание «национальной принадлежности» в этническом смысле провоцирует распространение этнонационалистических установок и закономерно вытекающих из них ксенофобии, сепаратизма и автаркии.

Метафизика этнической идентичности затрудняет этнополитологические исследования, деформирует специализированное и обыденное политическое сознание, маргинализирует политическую культуру и смещает политический процесс в русло этнонационализма. Революционный дискурс этнической идентичности, преодолевший метафизику, позволит снять множество теоретических и практических этнополитических противоречий и будет способствовать проведению взвешенной этнической политики, учитывающей потребности этнических общностей и индивидов, уважающей этнические чувства, обеспечивающей на практике права и свободы граждан, не зависимо от этнической принадлежности.

Статья написана при поддержке гранта Международной ассоциации развития сотрудничества с учеными Новых Независимых Государств бывшего Советского Союза (INTAS), Ref.Nr 04-79-72-84